

ЮЛИЯ МИЛАНЕС

**ЖЕНЩИНЫ
В ВАННОЙ**

16+

Юлия Миланес

Женщины в ванной

<https://litres.ru/55715437>

SelfPub; 2022

Аннотация

«Женщины в ванной» - это истории самых разных женщин, объединенные в сборник. Женские судьбы, где жизнь не балует героинь, а, скорее, ставит их в ситуации, близкие к экстремальным, вне зависимости от возраста и социального статуса. Все истории происходят в наше время, так что мы видим своих современниц – настолько они узнаваемы. Героини, как правило, несчастливы - они либо безумно одиноки, либо погибают, либо наталкиваются на глухую стену непонимания. Но нет ощущения тотальной боли, несмотря на печаль, идущую из рассказа в рассказ, - наоборот, эти истории удивительно светло и ярко написаны, и хочется верить, что у этих женщин было, есть либо непременно будет что-то хорошее в жизни.

Юлия Миланес

Женщины в ванной

Место силы

***

Янка неловко передергивает голой ногой. Она всегда смущается, когда на нее смотрят.

Миха смеется про себя и не отводит взгляда: «Молодая, неопытная, сиськи в веснушках». А девушка переворачивается на бок и подтягивает одревеневшие коленки к груди, закрываясь вся. Теперь ей спокойно, а ее бойфренду неинтересно. Он отворачивается к серванту и наблюдает уже через зеркальную стенку. Три Янки в ровно нарезанных прямоугольниках стекла лежат, свернувшись клубочком. «Пятки розовые», – Миха застегивает брюки и ждет.

Убедившись, что ее никто не видит, девушка встает и начинает натягивать одежду. Стринги уже на месте и ничего не прикрывают. Бюстгальтер путается в руках, потом прячет смешные веснушки. Джинсы. Свитер. Очки.

А очки Янка носит для того, чтобы иметь серьезный вид. Зрение у нее нормальное. Удалось купить по случаю с простыми стеклами – защитные. Быть умной – это по-питерски. Или хотя бы выглядеть умной.

Что поделать? Не сложилось. Не смоглось. Не поступи-

лось. Но очки в Питере никто не отменял.

Миха читал лекции на вступительных курсах. Там девушка к нему и прилипла. Он – умный, коренной питерский.

Янка рассматривает чужую квартиру. Чисто. Добротно обставлено. Мама хотела такую стенку, но она слишком высокая и не влезет в залу их деревенского домика в Ленобласти. На стене портрет жены. Нет, девушка знает, что Миха женат, просто это где-то на заднем плане сознания. На портрете женщина с тонкой улыбкой. Вроде улыбается, а может и нет. И смотрит прямо на кровать.

– А есть твои детские фотографии?

Янке почему-то очень важно их посмотреть. Потому что сорокалетний Миха когда-то был такой, как она. А может еще меньше и не такой умный.

Бойфренд достает альбомы:

– Это старый свадебный. Еще когда в первый раз женился. Новый свадебный. Армейский. Студенческий. Детские альбомы у мамы.

«Еще одна жена», – уныло думает Янка.

– А почему вы развелись? – повисает неловкий вопрос.

– Мы не развелись. Она умерла. Отравилась формалином. Женька – наш сын – сейчас живет у моей мамы. Такой осел вырос, знать меня не хочет.

Миха заканчивает одеваться: туго затягивает галстук на розовой рубашке, застегивает солидные часы на запястье.

– Гуляем всю ночь, жена на работе, – весело говорит он.

– Ты видела место силы?

– Нет, я только в Эрмитаже и в Русском музее была, – Янка поправляет очки.

– Пойдем кататься, покажу.

***

Машина мягко шелестя колесами высовывается из арки и останавливается.

Тускло горят фонари. Ночная улица пуста. Только где-то вдалеке, прижимаясь к домам бредет небольшая женская фигурка. Янка сидит, пристегнувшись на переднем сидении и рассматривает большую золотую рыбку-ароматизатор на лобовом стекле.

Миха прикуривает сигарету и тянется обнять девушку за плечи.

Женская фигурка все ближе.

– А что бы мы сказали твоей жене, если бы она вернулась домой не вовремя?

«Хотя, как это не вовремя вернуться в свой собственный дом?» – мелькает у Янки странная мысль.

– Сказали бы, что ты берешь у меня уроки французского, – мужчина треплет ее рыжеватые волосы и молодцевато усмехается.

– Так поздно уже.

– Для французского никогда не поздно.

Миха отворачивается и видит женскую фигурку уже в пя-

тидесяти метрах от машины.

– Выходи! – вдруг отрывисто бросает бойфренд.

Темный женский силуэт приближается еще на несколько метров.

– Почему? Ты обиделся? – растерянно говорит Янка.

– Выходи, твою мать! – приглушенно рычит Миха и распахивает дверцу с ее стороны. – Да пригнись!

Девушка нервно рвет ремень безопасности, который не отстегивается, а бойфренд уже толкает ее наружу.

Запоздалая прохожая торопливо проходит мимо машины.

– Фуууу! Обознался! Думал, что жена. – Мужчина откидывается на спинку водительского сиденья.

– Может домой вернемся? – робко спрашивает Янка, глотая комок в горле.

– А что скажем, если...? Пойду посмотрю. Может эта женщина из знакомых?

Миха неловко, как будто ноги его не слушаются, выходит из машины, трусцой бежит за пропавшим уже силуэтом, безнадежно машет рукой и возвращается.

– Поехали, покажу место силы.

***

«Это Дворцовый мост», – точно определяет Янка.

– Сейчас еще не разводится, – кричит Миха.

Шума шагов не слышно из-за рева ветра. Черная Нева беспокойно бьется об гранитную набережную.

Янка кутается в тонкую курточку на флизелине. Лицо сразу обветрилось и покраснело.

– Давай я тебя сфотографирую на фоне Зимнего дворца,
– девушка достает телефон.

– Не надо, – отрицательно качает головой Миха. – Еще выложишь в Интернете.

К горлу Янки опять подкатывается комок, она пытается сглотнуть, но не получается.

Они идут в сторону стрелки Васильевского острова, останавливаются, мужчина снова кричит:

– Смотри! Смотри в воду! Это место силы!

Янка старательно, слезящимися глазами, смотрит, как ветер бешено рвет Неву, бьет ее об опоры моста.

«В такой страшной реке не может водиться рыба», – отчего-то думает девушка и перегибается через резную решетку.

Волны поднимаются и разбегаются в разные стороны, закручиваясь и образуя буруны. Отблески фонарей мечутся в воде.

Проклятый комок вдруг вырывается наружу детским обиженным всхлипом и Янка сразу захлебывается волной воздуха. Задыхаясь, продолжает смотреть в черный рисунок воды и вдруг понимает, что Нева манит ее, приковывает взгляд, и хочется кинуться в могильный холод северной реки.

Миха что-то кричит и машет руками, а девушка застывает, вцепившись озябшими пальцами в узорчатый чугунок.

Вдруг Янка чувствует что-то горячее на щеках. Она с тру-

дом поднимает руку и оттирает слезы.

– Чувствуешь силу? – тормозит ее Миха.

– Отвези меня домой, – по-мужски грубым, чужим голо-
сом говорит девушка и бойфренд почему-то слушается.

***

– Явилась в три часа ночи, еще и с хахалем на машине,
– бабушка выставляет на стол холодную картошку. – Очки
зачем нацепила?

Янка стаскивает с носа очки и забрасывает в цветные
тряпки на тахте.

Холодная картошка вкусная.

Обветренное лицо жжет.

Девушка открывает засаженную печную дверцу и шевелит
кочергой угли.

– Что огонь-то ворошить? Заслонку уже открыли... Чуд-
ная, приехала и уселась у печки.

– Здесь мое место силы, бабуль... – Янка улыбается и вес-
нушки на лице сияют в свете угольков.

Женщины в ванной

***

Глаза закрываются, кружится голова. Младший жадно со-
сет бутылочку с водой, у него высокая температура. Чертова
ангина: в горле першит и капли пота выступили на лбу. Хо-
рошо, что не свинка. Оля не болела свинкой в детстве. Вот

бы заразилась и ходила с раздутым лицом и шеей!

Сейчас процедуры. Оля берет Гексорал, малыш заходится в крике от одного вида лекарства. Оля ловко просовывает носик бутылки ему в рот и брызгает.

– И тебе Гексорал, и мне Гексорал, – приговаривает она.

Потом засовывает носик бутылки себе в горло.

Голова опять кружится, а младший снова кричит.

Нет, она не выдержит, силы ее на исходе. Говорила же све-кровь, что она не справится, а помогать не хочет. Муж на работе.

Оля бережно кладет младенца в кроватку. Он продолжает кричать, уже весь посинел от плача.

– Нет, я выдержу, – говорит себе Оля.

Воспаленные от бессонницы глаза еле вращаются в глазницах, словно в них насыпали песку.

«Пусть кричит, – думает Оля, хотя у нее каждый нерв дрожит от напряжения. – Покричит и устанет».

Оля идет в ванну: там толстенная деревянная дверь заглушает звуки.

Тишина, только на заднем фоне – похожий на комариный писк.

Оля устало садится на краешек ванной и чувствует холод чугуна. Ей нужно расслабиться. Она закрывает уставшие глаза.

Слух обостряется и буквально пытается нащупать отзвуки детского плача. Нет, тишина. Наверное, младший все-таки

устал и заснул.

Оля поднимается и включает воду. Долго держит пальцы под теплой струей, до тех пор, пока не появляются мягкие морщинки на розовых подушечках.

Ванна набирается. Пенку добавить нельзя: у ребенка может быть аллергия. Оля переключает воду на холодную и опускает голову под струю. Черт с ней, с ангиной, да хоть менингит! Кожа покрывается мурашками.

Неожиданно с верхней полочки падает губка-утка. Оля сжимает ее в руке и устало смотрит, как сквозь пальцы стекает вода. Она снова и снова опускает утку в воду и отжимает.

Это ее успокаивает.

Она открывает дверь и прислушивается: молчит ли ребенок? Младший молчит.

Оля раздевается и забирается в ванну. Несколько раз опускается с головой под воду. Потом поворачивается в воде на бок. Кладет утку под щеку.

Оля спит до тех пор, пока вода в ванной не остынет.

***

Сара – курьер. Бежит, бежит целый день, и кажется, что ноги к вечеру отнимутся.

А сейчас сквозь витрину она смотрит на вишенку на вершине пирожного. Вишенка завораживает, но Сара отлепляет взгляд и плетется домой.

– Смотри, венка на щиколотке вспухла, – тихо жалуется

она сестре.

Сестра подметает пол и ворчит:

– Говорили тебе: в шестьдесят лет на каблуках не бегают!
Вон какие сумки! Что у тебя там? Кирпичи?

– Документы, отвезти надо завтра, – лукавит Сара. Не может же она сказать, что у нее в сумке обыкновенная глина.

Во дворе меняли трубы отопления, вскрыли асфальт и выворотили землю до глины. Вот Сара и накопала себе немного. А зачем? Это ее секрет.

Тихонько, чтобы не мешать, Сара берет сумки и идет в ванну. Достает пластмассовый таз и вываливает туда сухие серо-желтые комки.

Сара любит запах глины после дождя. Этот запах знаем мы все: считается, что так пахнет озон, а на самом деле это просто запах намокшей глины.

Сара зачерпывает ладонями воду и выплескивает в таз. Она представляет себе не промозглый осенний вечер, когда каждая косточка ноет, а как накрапывает теплый летний дождь.

Это покойный папа ее научил в детстве. Их общий секрет. Ванная комната до краев наполняется запахом.

Сара улыбается. В молодости она любила французские духи с запахом мха или свежескошенного сена. А французские духи с запахом мокрой глины никто не придумал.

«Да это идея на миллион долларов!» – смеется она, вспоминая отца.

– Сара, что ты там делаешь? – громко спрашивает сестра.

– Моюсь я, моюсь! – снова лукавит Сара.

Она знает, что сестра заметит глину в тазу, но Сара как-нибудь вывернется. Скажет, что это для лечения ног.

Потому что она до самой смерти будет хранить их с папой секрет.

***

– Амир не какой-нибудь там торговец. – Алия наливает в ванну дорогой гель для душа с запахом лаванды. – Он на скрипке играет!

Сейчас она вымоется и побреется. Ни одного волоска не будет. И запаха рыбы не будет. Никто не узнает, что она работает на рыбозаводе, чистит рыбки кишки.

Алия знает, что она Амиру не пара, но он на нее посмотрел. Пускай у него жена в Баку – Алия здесь, в Питере, будет ему женой. Она не гордая.

Алия с шумом плюхается в ванну и принимается намыливать голову. Она заплетет в волосы цветы, наденет красивое платье и бусы. И так будет каждый день. А рыбозавод бросит.

Она смотрит на свои руки: все в цыпках от холодной рыбы, ногти обломанные, с густой черной полоской.

«У меня кишки рыбки под ногтями, – с горечью думает Алия. – Везде проклятая рыба въелась! А Амир на скрипке играет, у него тонкие пальцы».

Алия подносит к лицу маленькое зеркальце и скалится. Зубы кривые и желтые, некоторых не хватает. На глаза наво-

рачиваются слезы: зубной врач дорого стоит, ей столько не заработать.

Она выходит из ванной и, оставляя за собой мокрые следы, понуро отправляется в свой угол, который снимает вместе с землячками.

На полу – надувной матрас, покрытый тряпками. Алия бросается на него, зарывается в подушку и плачет.

Мыльную кожу стягивает, она покрывается белым налетом. Алия снова идет в ванную и ложится в уже остывшую воду.

Нужно мыться, пока кожа не размокнет и не станет нежной. Алия зябко поёживается, выливает остатки геля для душа в воду и отбрасывает пустую банку. Снова появляется робкая надежда:

«Но он же все-таки на меня посмотрел!»

***

Она уже не помнит своего имени – просто Старуха. Она не помнит, сколько ей лет – просто больше восьмидесяти. Она всегда жила в этой коммуналке, но сейчас в ней никого не знает, потому что все ее ровесники умерли. Вокруг нее – тени.

Одна из теней выпускает облачко вонючего дыма ей в лицо и кричит:

– Иди мыться, старуха! Натрясла тут своими панталонами, дышать нечем!

Талгат хмыкает и снова затягивается марихуаной.

«Странное это место – питерские коммуналки! Кого только не встретишь, – думает он. – Старая черепаха!»

– Русские – неряхи! – откликается Шавкат, скручивая траву. – Все их женщины грязные.

Они вдвоем сняли комнату в этой квартире. Хорошо, что здесь никто не живет, кроме этого ископаемого.

Старуха топчется в недоумении и послушно направляется в ванную. Она помнит, где ванная. Ее устроили в квартире сразу после перестройки. А она когда-то любила ходить в баню. В этой ванной только сифилис разводиться, но у нее есть хозяйственное мыло, против него ни один микроб не устоит.

Ржавый кран надсадно гудит, когда она включает воду. Те-ни заглядывают в ванную и скрываются в облаке дыма.

Старуха непослушными руками накидывает дверную щеколду и принимается раздеваться.

«Тело уже как студень, – думает она, оглядывая морщинистый живот, кожа на котором висит большими складками.

– Живее мойся, старуха! – кричат азиаты под дверью, надсадно хохоча. Марихуана начала свое действие.

Старуха кладет мокрое мыло на край ванны, оно скользит на пол и подворачивается под ногу.

Она падает: больно, навзничь. В глазах меркнет.

***

Оля лежит в полузабытьи.

Этот день закончился, как многие уже прошедшие дни.

Муж пришел с работы и потребовал есть, отметив, что у Оли «везде плесень». Еще раньше пришел старший со школы – тоже голодный.

Спустилась ночь. Малыш, уложенный на всякий пожарный случай с ней, тихо всхлипывает во сне. Муж со старшим спят в соседней комнате.

«Как же! Они должны отдыхать!» – Оля сбивает простыню во сне.

Ангина не отступила, при каждом вдохе горло дерет. Лоб весь в капельках пота.

Потом Оля просыпается по будильнику. Нужно встать раньше всех, чтобы приготовить завтрак. Она – домохозяйка, это ее работа.

«Работа без выходных, без проходных, без отпусков» – ожесточенно думает Оля.

Она никому не рассказала, что бросила кричащего малыша. Некому. Все осудят, особенно муж. Такой вакуум вокруг!

– Что тебе не хватает? – обычно спрашивают муж и свекровь. – Ты не работаешь, сидишь дома: не нужно каждый день на работу мотаться.

«Что мне не хватает?» – спрашивает себя Оля, энергично оттирая «плесень» с газовой плиты – каша убежала.

И тут в душе Оли начинается раздрай. Ей не хватает времени на себя. У нее ненормированный рабочий день. Ей не хватает дружеского общения, ведь общество полугодовалого

ребенка – это не то, что может дать удовлетворение взрослой, состоявшейся женщине.

«Когда я в последний раз обращала внимание на себя?» – Оле горько. Она смотрит на свои неухоженные руки с коротко стриженными ногтями.

Оля берет с полки первую попавшуюся книжку – «Гарри Поттер и философский камень», снова запирается в ванной и принимается читать.

– Эй, мы встали! – стучится в дверь муж. – Пора завтракать.

– Вот радостное известие! – грубо отвечает Оля из-за двери. – Идите и завтракайте!

«Посадила всех себе на шею», – Оля не видит букв из-за слез. Она прекрасно знает, что это – конфликт, ее не поймут.

***

– Что это? – спрашивает Сарин сын, указывая пальцем на таз с глиной.

– Саре нужно для лечения ног, – сварливо отвечает Сарина сестра. – Ноги совсем разболелись.

Сара спит и не знает, что решается судьба ее глины.

– Так пусть идет к врачу! Совсем из ума выжила – глину в дом таскать! Грязи нам мало!

– Это еще что! Соседи целую комнату землей засыпали – грибы выращивают, говорят выгодно! – Сарина сестра поскребла глину пальцем.

– Я тебе точно говорю, мама – того! Скоро здесь грязевой

вулкан устроит, как в Голубицкой! Может бизнес еще устроим из грязевых ванн? – сын утробно хмыкает.

Сара встает рано и молится Всевышнему. Опухшие ноги за ночь немного отпустило. За окном грязь, хлябь, дует сырой, промозглый ветер.

А у Сары лето на душе.

«Может, последнее лето в моей жизни», – приходит в голову не очень оптимистичная мысль.

Сестра оставила на столе завтрак, накрыв льняным полотенцем. Сама она топчется с сигаретой у открытого окна.

– Ты бы не курила в квартире, – вредничает Сара. Она знает, что сестра без сигареты не может – живет только на паровозной тяге.

Сестра досадливо мотает головой.

– Сама хороша. Грязи от тебя – целый таз! Вчера еле до помойки донесли!

– Не трогайте мою грязь! – растеряно кричит Сара и даже сердито топает больной ногой, как в детстве. – Я взрослый человек! Я у себя дома!

– Но это и наш дом! – отвечает сестра. – И мы не хотим грязь в ванной! А если гости придут и пойдут руки мыть?

– Какое мне дело до ваших гостей? – совсем расходится Сара и кричит ни к селу, ни к городу: – Я одна в доме работаю, могу себе позволить маленькую прихоть!

– Успокойся, успокойся, Сара! – испуганно говорит сестра. – Мы тебе голубую глину купим в аптеке!

– Мне нужна та глина! – Сара хлопает дверью и мстительно добавляет:

– Если я здесь даже паршивый угол в ванной не могу запачкать, то я буду снимать комнату, а вы здесь живите на что хотите!

Потом Сара сама не понимает, почему так разошлась. Но...секрет есть секрет!

***

Ночью Алия еще раз наливает ванну – осталась вторая бутылка геля для душа.

В комнате ее землячки спят вповалку, уставшие после тяжелого дня на рынке. Она Алия не работает продавцом – она не умеет считать больше десяти и плохо говорит по-русски.

Зато она у нее самый вкусный горячий лаваш. Она печет его ночью, когда все еще спят, а утром все едят и хвалят Алию.

Амир пришел в мечеть с русской. Позор на его голову!

– Все они знают, как к русским пристроиться! – фыркнула старая сварливая Зухра, всегда помогавшая молодым мигранткам.

А ведь Алия согласна быть и младшей женой: мыть, стирать, убирать, готовить. Она же на рыбозаводе работает – ко всякой тяжелой работе привыкла, не белоручка, как русские барыни. Ходил бы ее Амир в белых носочках по чистому полу. Но русские второй жены не потерпят.

Алия вздыхает так, что по всей ванне летят мыльные пузыри.

Она перестарок, ей уже двадцать три года. У Алии в ауле так поздно замуж не выходят, никто уже не посмотрит. Южные девушки созревают рано. Хотя и запрещено законом, в деревнях их выдают замуж около шестнадцати лет – самый сок для молодого мужа и гулять некогда.

Может ей родить ребенка без мужа? И уехать домой, а там сказать, что муж умер? Мама не рассердится, мама ее примет любой.

Три часа ночи. Алия спускает воду – надо идти печь лаваш на утро. Пока тесто подойдет, пока духовка нагреется.

– Ты наша самая младшая жена! – улыбается по утрам старая сварливая Зухра.

– Нельзя так говорить! – обычно пугается Алия. – Всевышний услышит и накажет.

***

Душа старухи отлетела в тот самый момент, когда темечко коснулось кирпичной угловой приступи у ванной, и сейчас витает где-то между небом и землей.

Мысли текут ясно, не то что при жизни.

«Какой стыд!» – думает душа, еще не отрешившись от своих мирских дел – она разглядывает свое старое, беспомощное, лежащее мешком тело. – «Хоть бы накрылась чем-то!»

Но смерть не выбирают – ни способ, ни обстоятельство. Старухе еще повезло, что она умерла мгновенно, не мучаясь.

Душа наблюдает, как обкуренный Шавкат срывает двери ванной с петель и испуганно визжит:

– Сдохла, сдохла, Старуха! Теперь русская тюрьма! Надо бежать!

Душа смотрит.

Азиаты быстро собирают вещи в большие торговые сумки и выбегают из квартиры, плотно закрыв входную дверь. Теперь голое мертвое тело долго не найдут. Может месяцы, может годы.

Душа тяжело вздыхает, скорбя о своем покинутом земном пристанище. Она при жизни была настолько одинока, что даже некому поставить свечку за упокой.

Душа уходит, в последний раз оглянув квартиру. Она не желает остаться здесь не упокоенным привидением.

Ее ждут мытарства.

***

Наше общество больно одиночеством. Сначала мы были рады тому, что у нас есть угол в общежитии. Потом мы выселились из общежитий в коммунальные квартиры. Затем мы переехали из коммуналок в отдельные квартиры. И вот, теперь снова радуемся, что у нас есть свой угол – ванна. Причем, для некоторых – последнее пристанище.

Наше общество больно одиночеством, но мы лечимся еще

большим одиночеством. Оно нам необходимо, как воздух. Даже в семье, даже в очень большой семье. Даже домохозяйкам. Даже для того, чтобы однажды умереть.

Мы можем предстать в своем одиночестве, возведенном в степень, в самом неприглядном виде. Мы запираем дверь в ванной, чтобы к нам не проникло ни звука извне, а на самом деле входим в вакуум своего мира. Мира, которым мы не делимся ни с кем, ни с мужем, ни с сыном, ни с сестрой.

Мы в ванне – гиперодинок и, по-своему, счастливы.

Иго первенца

***

Июльская жара в Ленинграде. До смешного – тридцать градусов тепла! Солнце растеклось по всему небосводу, и воздух парит. Так, как может парить только на болоте.

Волосы туго забраны в хвост на затылке. Где-то там очень чешется, потому что капелька детского пота застряла и не может стечь.

– Алка-палка! – Это мальчишки из соседнего двора, рас-трепаннные.

Фу! У них руки в земле!

Аля сейчас пойдет в кино. Просто мама еще не готова. У девочки бело-голубое шелковое платье, гольфы с помпонами на веревочках, а туфельки сильно жмут, и где-то на пальцах стерлась до крови тонкая детская кожа. А мама все не

выходит.

– Алка-палка! Алка-палка!

Аля делает вид, что не слышит, и старается держать голову прямо – на голове тяжелый бант. Капелька пота, наконец, стекает прямо за шиворот платья и ползет куда-то дальше, под лопатки.

– Алка-палка! Алка-палка!

Терпение Али лопается. Нет, она не будет реветь. Девочка поднимает ком земли, отчего руки сразу становятся грязными, и бросает его в сторону мальчишек. Те ловко уворачиваются, и через минуту несколько таких же комков попадают в Алю.

– Алка-палка! Училкина дочка!

Коричневое крошево сыпется за шиворот, липнет к потному детскому телу, застревает в волосах.

Из подъезда выходит нарядная Марина Леонидовна, Али-на мама, но девочка уже стоит вся в коричневых пятнах и стряхивает землю с головы.

Мальчишки затаились где-то за кустами и слушают, что же будет.

– Алька, ты у меня дура! Не могла подождать нормально полчаса? – рассерженно говорит Марина Леонидовна. – Никакого кино! С замарашкой я не пойду!

***

– Алька у меня дура, – делится Марина Леонидовна с со-

седками по подъезду, такими же пенсионерками, как она. – Сорок с лишним лет, а ни мужика, ни детей! Сколько ж можно?

– Ну, не у всех складывается, – жует слова бесцветными губами старушка с третьего этажа. – Зато у тебя младшие удачные.

– Алька у тебя точно дура, – вмешивается властная Елена Григорьевна. – Всю жизнь на тебя потратила. Младшим – и семья, и карьера, а старшая только таблеточки тебе успевает подносить, да по врачам с тобой бегать. Прислуга!

– Алька не дура! – оскорбленно кричит Марина Леонидовна и тяжело поднимается со скамеечки, хватаясь за перила. – Она школу с золотой медалью закончила. И институт с красным дипломом. На своих разгильдяев посмотрите!

И пожилая женщина, с трудом переставляя ноги, удаляется к дому, не заметив, что седая прядь волос выбилась из-под берета и развевается на ветру ведьминой космой.

Гораздо позднее, ночью, ей становится страшно, и старуха звонит старшей дочери – Але.

***

Аля поздно приходит с работы, потому что, кроме обычных нагрузок, ведет продленку, и приносит с собой толстую стопку тетрадей на дом.

Но сначала – чай.

Он как будто заполняет собой пустоту проверенными ри-

туалами. Женщина ставит на газ прозрачный чайник, ждет, пока вода закипит, и долго смотрит, как пузырьки воздуха спешат выбраться из-под крышки.

Если бы у нее был ребенок, можно было бы показать, как формируется атмосферное явление.

«Это испарение воды», – говорит Аля своему невидимому ребенку, снимает крышку и кладет на чайник салфетку, тотчас намокшую от пара. – «Видишь, сколько воды содержится в воздухе?»

Сморщенные листья зеленого чая кружатся в горячем потоке, разворачиваясь и слабо окрашивая кипяток. Всплывает белый цветок жасмина.

Женщина пьет маленькими глотками, никуда не торопясь. Она всегда ложится спать поздно.

После чая – проверка тетрадей. Двойка. Снова двойка. Пожалуй, тройка. Никто не может знать ее предмет на пять. Русский язык и литературу вообще невозможно знать на пять.

Аля тихо включает радио на компьютере. Зеленый огонек питания подмигивает ей.

Она ждет, чтобы Марина Леонидовна могла не ждать.

Наконец раздается надтреснутый звонок телефона, Аля сразу берет трубку и слышит скрипучий голос мамы:

– Ты купила мешок картошки, как я тебе говорила? Не купила? Алька, ты у меня дура! Война будет, я тебе говорю! Уж сколько я пожила и повидала, тебе и не снилось. Вот смотри:

бабушка пережила войну, прабабушка тоже. Каждое поколение пережило войну, я тебе говорю! А цены все растут! Скоро с голодухи все поправим. Знаешь, сколько уже стоит хлеб?

У Али есть два часа. За это время она остановит войну. Сейчас в маминых глазах «дура» сильнее Путина, Меркель и Обамы. Кроме того, она понизит у Марины Леонидовны сахар и давление, по силе исцеления мелкими шажками приближаясь к Иисусу.

– А ты знаешь, что Лёшина семья сейчас живет на одну зарплату? Это не так-то легко. Картошки не напасешься. Вот двух детей народили и вертятся. А я помогла: Лёша-сыночек приезжал вчера, пришлось дать ему денег на еду. Все ведь от матери зависят!

– Ты отдала Лёше деньги, которые мы отложили на лекарства?

Потом не спится. Она долго прикидывает, сколько мешков картошки можно купить на учительскую зарплату и предоставят ли маме льготу на лечение.

Ей горько. Аля давно называет это «иго первенства».

Наконец, веки тяжело смыкаются, и женщине снится, что она стоит очень прямо – у нее опять на голове тяжелый бант, капелька детского пота скатывается с головы за шиворот и мокнет где-то под лопатками, а туфельки снова жмут.

***

Аля переходит лужу по тоненькой досочке, балансируя

двумя сумками с тетрадами.

– Алка-палка! Училкина дочка!

На тротуаре, засунув руки в карманы, стоит мужчина. Немолодой уже, Алиного возраста.

– Давай помогу!

Что-то из детства шевелится в мыслях: «Какой-то мамин ученик? Может, мой одноклассник? Убей, не помню».

– Приехал посмотреть на родные места. Я так и думал, что ты училкой станешь. Русский, небось? Вижу, вижу, все глаза книгами выела – очки на носу.

Мужчина продолжает нести Алины сумки, медленно приближаясь к дому. И зовут его Володей.

– Помню, Марина (как ее?) Леонидовна, говорила, что честного труженика из меня не получится. И не получилось. – Незнакомец весело хмыкает и шутовски ерничает: – Из ларечников мы, из коробейников.

Странная пара приближается к скамейке у Алиного подъезда.

– Ну, все, пришли. Спасибо большое за подмогу. Дальше я сама.

– Что же, и на порог непустишь? Неужели дома сердитый муж?

– Да, муж и дети. Много детей.

Володя хмурится и внимательно смотрит на спутницу:

– Нет никаких детей. Мне соседи сказали. Не помнишь ты меня, а жаль, девочка с большим бантом.

Пойманная на вранье, Аля чувствует, что ее заливают жар стыда: почему-то от спины через шею на лицо.

«Что бы сказала мама? “Алька-дура не схватила свое счастье” или “Алька-дура водит домой незнакомых мужиков”?»»

Женщина рассеянно шарит в сумочке, доставая ключи, и как-то вдруг, отключившись от своих мыслей, принимает решение:

– А заходите! Выпьем чаю за давнее знакомство.

Нет, Аля не наивная. В ее жизни, конечно, были мужчины, но приводить домой прямо с улицы еще не приходилось.

***

Володя достает из рюкзака кусок сырокопченой колбасы, белый хлеб, крошечную, стограммовую бутылочку армянского коньяка. Он обосновывается на кухне так основательно, словно и не топтался только что у подъезда.

Аля набирает телефонный номер и торопливо произносит в трубку:

– Мама, у меня сегодня голова болит и надо спать лечь пораньше, так что завтра поговорим. Картошку я куплю потом. Честно-честно.

За окном сгущаются сумерки.

А ночью Марине Леонидовне снова становится страшно, и она звонит старшей дочери – Але. В трубке долго-долго тянутся длинные гудки.

Иногда

***

«Иногда такая усталость наваливается, что хоть вой: словно какое-то неведомое животное пьёт из моих жил. И тревога. Поспишь – отпустит. Но заснуть не всегда получается.

Какого чёрта эта тревога? Да по разным поводам, пустяковым и не очень. Кредит вот на себя повесила – хомут на шею. Правильно говорят, что берешь чужие, а отдаешь свои».

Юнна обессиленно согнулась в кресле.

«Снова пришло это животное и пьёт».

Уныние – смертный грех, а Юнна сейчас предается унынию. Какое, интересно, за него наказание? Вечный ад? Но уныние и есть ад. Вот чревоугодие – грех от чрезмерного удовольствия. Блуд тоже от удовольствия. Остальные грехи, вроде, от корысти. А уныние?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.